

**«ЦАРЬ И ПЕС» СЕРГЕЯ АЛХУТОВА.
К ВОПРОСУ О ФОРМАЛЬНОМ МЕТОДЕ**

Уважаемый Сергей.

В плане критики я не горазд. Меня лишь интересует эмоциональное и эстетическое поле произведения. Сами понимаете, профессиональный критик занимается внешними параметрами, в которые художественный текст укладывается, либо, напротив, не соответствует таковым. Ежели он (критик), боже упаси, видит отпадение от формальных контуров произведения, - то, чему его учили на филфаке или в Литинституте, - тогда это непременно становится предметом головомойки в отношении автора. Ату его! Ужо ему, автору! Пусть писатель нашего времени создаст «Иллиаду», «Божественную комедию» или «Отцы и дети». Вы полагаете, это кого-то удивит, всколыхнет? Критика примет эти произведения благосклонно? Не в жизнь! Если отследить критическую электризацию вокруг «Войны и мира» и, скажем, «Преступления и наказания» Федора Михайловича на период их написания, то, выясняется, что официальная критика не давала спуска будущим титанам художественного слова. Отсюда вывод. Сам художник должен трепетно и благоговейно относиться к языку, так, как будто он один за него ответственен. Даже если все кругом разлетелось в тартарары. Ежели человек, взявший в руки перо, не осознает, не налагает на себя миссию несения потомкам светоча красоты, созданной предшествующими мастерами, у которых он кропотливо учился, - его песенка спета. Что посеет, то и пожнет. Забвение.

*Не многие для вечности живут.
Но если ты мгновенным озабочен,
Твой жребий страшен, и твой дом не прочен.*

Осип Мандельштам

Впрочем, большинство пишущей братии живет одним днем. Видимо, руководствуясь известным псалмом из Библии. Его внешним пониманием и исполнением.

Культура читателя и постижение им таинства художественного промысла, не может быть равноценной писательской. Это и не нужно. Задачи разные. Но, они - читатель и писатель - собеседники в вечности. Я к чему плету это кудрявое многословие? Подчас параллельные сдвиги, через «семь верст не околица», подводят к сути вещей прямее, нежели лупить в лоб, в десятку. Да и возможна ли она, эта десятка, в таком зыбком и эфемерном ремесле, как писательство. Это все качели... Несколько слов о формальном методе. Вы взяли за основу европейскую традицию письма. Она линейна, алфавитна. Это не мне Вам объяснять. Восточное письмо иероглифично. В его основе лежит знак. Сиречь, иероглиф как знак представляет эстетический образ. Отсюда хойку, танки, проч. Прошу заметить, притчи Лао Цзы уже больше, чем эстетический образ. Они вмещают сущность человека, его духовную изнанку. И, как это ни странно, направляют мысль по линейному принципу восприятия, но никак не образному. Почему? А Библия? А Тора? А Махабхарата? Эти феномены духовной природы человека явлены нам в линейном письме. Тора - в инверсионном порядке. Но сам принцип (при разнообразии алфавитов) письма - линейен. Почему? Не берусь судить. Может быть, принцип письма определяет духовную сущность движения человека. К свету? К истине? Не суть. Но - движение. Отсутствие статики. Статика - смерть. Движение - жизнь. Все это избито, банально. Школьникам - известно. В детсаду - слышаны. Но художники слова об этом забывают. (Не путать с кудесниками слова!) Оказывается, эстетике также должна быть присуща динамика, мускулистость, мышца. Бродский говорил, что лирическое стихотворение должно накатывать на читателя дорожным катком. И тут выясняется, что эстетическая магия европейской художественной традиции разрешается исключительно в линейном принципе повествования. Будь то поэма, роман, трагедия, баллада и проч. Роман, кстати, изобретение новой Европы, ему пара сотен веков. Древние почему-то предпочитали более благородные формы для решения эстетических задач. Заметьте, в стихах, преимущественно. Гомер, Вергилий, Аристофан, Стаций, Данте, Шекспир, Пушкин. Все это прозрачно, аки слеза младенца. В этом, быть может, корень Достоевского. Все скорби мира недостойны слезы младенца. Жизнь - это скорбь. Скорбь - это проза мира. Проза фальшива и уродлива, как собственно жизнь. («Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв». Пушкин.) Поэзия чиста, гармонична, прозрачна, как слеза младенца. Древние это ценили: гармонию.

Заслуживает внимания следующее обстоятельство. Новейшая художественная ориенталистика, я не беру европейцев, - Лао Ше, Кобо Абе, Мисима, - также взяла за формальную основу европейское письмо, его линейный принцип. Если не сказать, и его художественные приемы. Почему? Скучны формальные каноны художественной школы Востока? Возьмите режиссера Акиру Куросаву. Он создал несколько фильмов, - «Ран», «Трон в крови», - взяв в качестве сценарного материала трагедии Шекспира. А что может быть линейнее художественного принципа кинематографа? Художники Востока обращаются к западной эстетической традиции, и наоборот. Это все известно. Принцип контаминации, если выражаться кудряво и мудрено. Взаимопроникновение. Но если вы взаимодействуете друг в друга, то уважайте принцип той формальной школы, к которой вы обращаетесь. Как говаривал незабвенной памяти старина Эвклид: случайность есть точка пересечения двух необходимостей. Как сейчас слышу его приглушенный, чуть дребезжащий голос. Говоря языком пареной репы - все предопределено. В каждой духовной практике - своя система мортирологии. Провиденье, предопределение, судьба, фатум, проч. Смерть всегда величественна как эстетическая категория в произведении искусства. Вспомните величие смерти Спасителя на полотнах Тициана, Рубенса. Величественна смерть Гектора на руках горько оплакиваемой его Андромахи в «Иллиаде». Величественна смерть Гамлета. А что говорит Наполеон, когда видит на Аустерлицком поле Андрея Болконского? «Какая прекрасная смерть». Художник возводит смерть в эстетическую категорию мерой художественных средств, которые ему по плечу. Поэтому эти образы запечатлеваются в веках. Они становятся самодовлеющими художественными образами, доминантами, которые определяют последующие эстетические и нравственные горизонты мастеров слова и читателей. Мне не совсем понятно, почему мысли о смерти должны облекаться, - как Вы говорите, - в легкую конструкцию. То, что Вы называете «порнографической» сценой на плаще, не известно в качестве формального приема в европейской художественной практике. Возможно, это присутствует в «Рамаяне» или «Махабхарате»? Не ведаю, к стыду своему, не читал.

Но, почему-то уверен, что в восточной эстетике я вряд ли обнаружу «порнографические» сцены для облегченного принятия смерти. Стало быть, Вы впервые в истории мировой литературы ввели порнографический элемент для достижения художественных задач повествования. Это значительный задел на будущее для последующих мастеров слова, которые пойдут по Вашим стопам. Оста-

нется ли эта сцена в истории литературы для осмысления потомками, - Вам лучше знать. Может, Вы преследуете иные задачи: «Ничто, ходящее по земле не может быть избавлено от необходимости оставить на ней след. Наследить нельзя лишь на небе, в пустоте...» Весьма поэтический троп. Но применим ли он в качестве *modus operandis* - образа действий - для пишущего человека? То есть, наследил, и ладно, будет с меня... У - уф. Выболтался... Засим, всех благ, каких ни на есть.

P.S.

1. «Царь и пес» - приличный материал для кино. Но кинематограф нынче пошел куцый, как и актерский корпус. Был бы ли толк от такой постановки?
2. Предыдущий отзыв отправил в «Сетевую словесность».

Виктор Григорьев

7 ноября 2006, Москва